

ОЖИВШИЕ ОБРАЗЫ ДРЕВНЕЙ ЭЛЛАДЫ

СМОЛКЛИ ЗВУКИ, угасли краски, померк свет, лившийся из-под высокого потолка, а зрители, потрясенные, еще оставались на своих местах... Казалось, что все увиденное и услышанное происходило не здесь, под сводами зала, а под необъятным синим небом древней Эллады, где самый воздух еще до сей поры хранит тревожный и мятежный дух античного театра. Казалось, что зрелище, только что завершившееся, разворачивалось на согретых жарким солнцем камнях античной сцены, опоясанной возвышающимся полукругом каменного амфитеатра.

Да, видимо, так, как и мы, должны были покидать представления, кто многие столетия назад увидел воплощенными на сцене образы героев Софокла и Эврипида. И тогда уносили они с собой жар сердец и пламень страстей, бушевавших в груди Электры и Медеи.

Чем же покорила нас сегодня театр, взявший на себя труднейшую и сложнейшую миссию воссоздать на сцене образы, отделенные от нас тысячелетиями? Нет, не реставрация, подобная холодной музейной экспозиции, очаровала нас, не восстановление, пусть самое точное и достоверное, событий и характеров, рожденных гениальными авторами трагедийных произведений. Мы потрясены тем, что прикоснулись к подлинной чело-

веческой правде, к живой жизни, прекрасной своим горячим накалом страстей, силой чувств, озадаченных высокой, окрыляющей поззией. Мы ощутили самое главное и самое ценное, что может дать театр, ставящий античную трагедию, — современное звучание пьесы, приближение ее к нашим сегодняшним дням, раскрытие ее гуманистической основы.

Пирейский театр греческой трагедии, о котором мы рассказываем, привез на гастроли в Советский Союз две свои постановки — «Электру» Софокла и «Медею» Эврипида. В «Электре» героиня, дочь Клитемнестры, убившей вместе с любовником Эгисфом своего мужа царя Агамемнона, страстно восстает против зла. Мстить за отца — вот в чем видит она свое предназначение. Но театр воплощает в своей постановке идею огромную, далеко выходящую за рамки личной трагедии юной царицы. В образе Электры мы видим олицетворение духа возмездия, духа героической борьбы за торжество правды и справедливости. Это сам народ-правдолюбец поднимает знамя восстания против

злодейства, против всего, что несет человеку мир зла и насилия. Именно так и трактует «Электру» руководитель Пирейского театра, замечательный режиссер Димитриос Рондирис, именно такой воплощает образ молодой Электры одна из выдающихся греческих актрис

Аспасия Папатамасиу.

В таком же плане решена и «Медея» Эврипида. И в ней нашло яркое и сильное выражение общественное начало, и в ней главная героиня говорит не только от своего лица, не только ее голос слышим мы, но голос всего народа, жаждущего торжества светлых идей гуманизма.

Димитриос Рондирис, с которым нам довелось беседовать, высокоотзывается о хореографе Лукии, в содружестве с которой он осуществил свои постановки. Нельзя не отдать должное этой замечательной артистке, создавшей хор, чье значение в античной трагедии очень велико. Ее тонкий вкус, превосходное знание эпохи,зыскательность истинного художника и педагога сделали хор одним из основных компонентов, сообщающих постановкам монументальность и поэтическую выразительность.

Небезынтересно указать, что руководитель греческого театра, по его словам, является горячим поклонником русской драматургии, что в национальном театре в Афинах он осуществил постановку «Ревизора» Гоголя, «Ивана Грозного» Толстого, инсценировку Достоевского «Бедные люди». Им переведена на греческий язык «Чайка» Чехова, которую он собирается поставить и играть в ней одну из главных ролей.

— Я очень тронут тем приемом, который оказали нам советские зрители, — сказал Д. Рондирис. — Они очаровали нас своими дружескими чувствами, которые мы очень высоко ценим. Мы приехали, чтобы ближе узнать вашу страну, прекрасных наших людей. Нас все здесь переполняет чувством радости.

И. АДОВ.

ча, 7.

«ГУДОН»
г. Москва

9 5 ФЕВ 1963